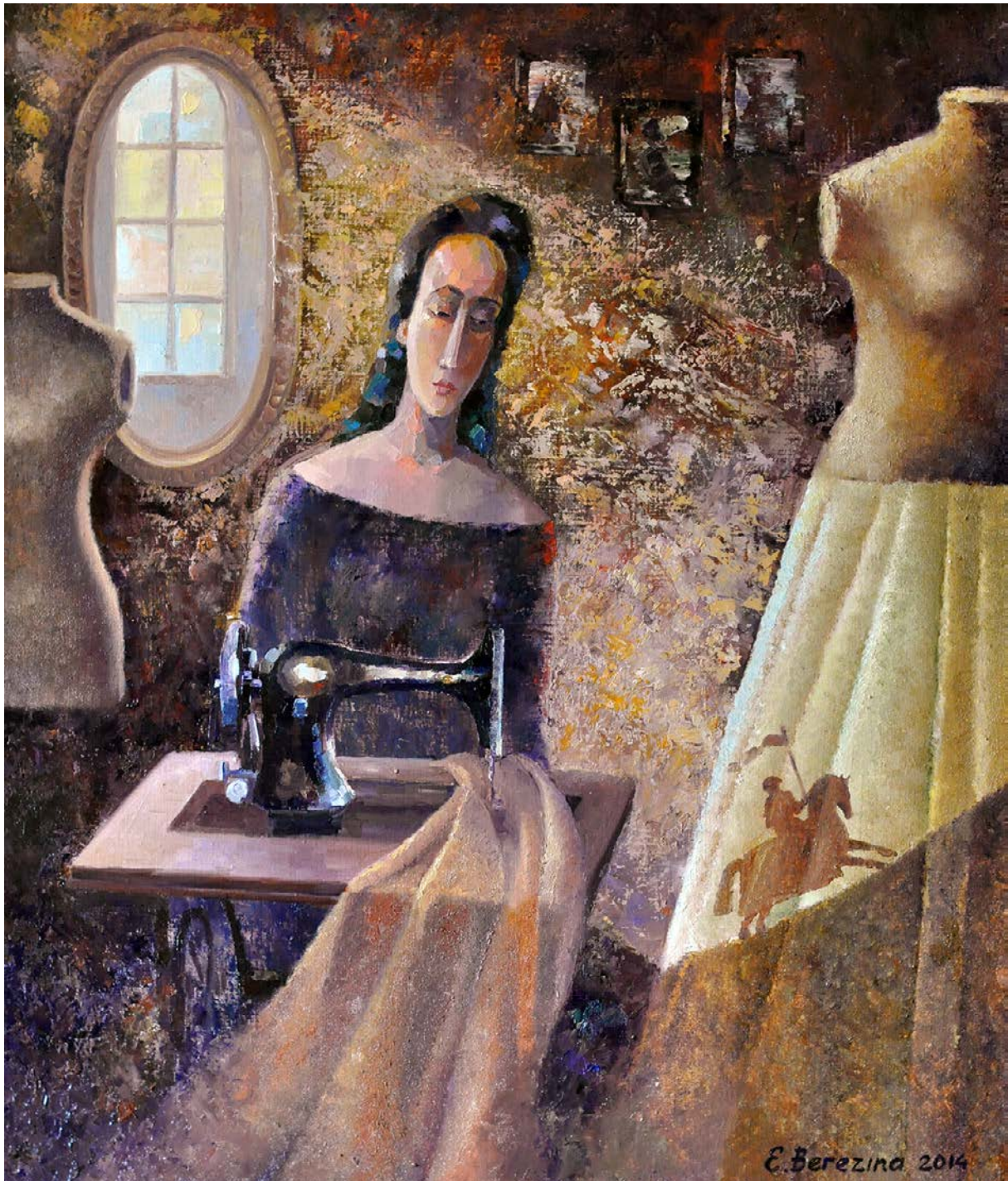

Выбор на уровне ценностей

Маслов Михаил Николаевич

- магистр психологии,
- Председатель РО – Ростов-на-Дону ЕАРПП,
- Член правления ЕАРПП,
- Аккредитованный супервизор ОППЛ,
- член Ученого Совета Саморегулируемой организации Ассоциации «Союз психотерапевтов и психологов»,
Тренинговый аналитик ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria).

Мы стремимся конкурировать только за счет качества лекционных продуктов, докладов, квалификации преподавателей, докладчиков и супервизоров.

Г.В. Поговорим о региональном отделении ЕАРПП Ростова-На-Дону.

М.Н. Начнем, пожалуй, с главного психотерапевтического учебного заведения в Ростове-на-Дону – РостГМУ (Ростовский Государственный Медицинский Университет). На кафедре психиатрии, к которой относится и психотерапия, в целом придерживаются традиций, сложившихся под влиянием психиатрического подхода к лечению всех психических заболеваний. Некоторые специалисты, например, мой первый учитель психологии Литвак М.Е., развивали и продвигали психотерапевтические подходы, но парадигма медикаментозного лечения доминирует и сейчас, оставляя легитимное поле для психологов только в качестве клинических диагностов. Насколько мне известно, психотерапевтические методы психотерапии в РостГМУ активно не продвигаются.

Я работаю с некоторыми коллегами-психиатрами. У них отношение к психотерапии, скорее, прохладное: ну, пусть будет. Есть коллеги врачи-психиатры и врачи-психотерапевты, уважительно относящиеся к психологическим методам психотерапии. Однако

Надо быть таким «сумасшедшим», как я, и всё получится! Это – альтруизм трудовой, альтруизм финансовый, некие инвестиции в будущее, готовность к сложностям и отсроченному результату.

момент нам не удалось установить сотрудничество с представителями ИРА в Ростове-на-Дону. У меня складывается впечатление, что психотерапевтические сообщества нашего региона придерживаются кафедр психологии при Университетах в Ростове-на-Дону, которых всего четыре в нашем городе, но не идут на сотрудничество, опасаясь конкуренции. На данный момент сообщество ЕАРПП представляет наша коллега, супервизор ЕАРПП Манукян Галина Ивановна. Она преподаёт теорию современного психоанализа, читает интересные лекции на факультете психологии кафедры профессиональной переподготовки ЮФУ (Южный Федеральный Университет). Галина Ивановна – один из немногих психоаналитических «голосов», знакомящих студенческую аудиторию с психоанализом. Ее интеллектуальные продукты интересны и позволяют получить много удовольствия от мыслительной работы. Но эта аудитория немногочисленная: курсы переподготовки на базе высшего образования. Как правило, студенты прослушивают этот курс, но немногие из них выбирают свое профессиональное развитие в области психоаналитической психотерапии и, как правило, не вливаются в наше сообщество. Наше РО немногочисленное, всего шесть человек.

В 2021 году мы провели первую психоаналитическую конференцию ЕАРПП в Ростове-на-Дону. С тех пор прошло больше года и те коллеги, которые были на ней, мне высказывают свои позитивные впечатления и слова благодарности. Действительно, мы постарались; и получилось вполне на хорошем уровне. В 2022 году мы провели конференцию в дистанционном формате. После нее наше РО не увеличилось. Со всем недавно, в октябре – вступил один человек в члены ЕАРПП, но это не связано с проведенными РО-Ростов-на-Дону конференциями.

Трудности нас мобилизуют, мы стремимся конкурировать только за счет качества лекционных продуктов, докладов, квалификации преподавателей, докладчиков и супервизоров! Мы представляем отличающийся трезвостью психоаналитического взгляда интеллектуальный

активной открытой поддержки и пропаганды психотерапевтических методов, в том числе в области клинической психологии, я не встречал. Поэтому, со стороны коллег из медицинского сообщества явной поддержки развития психотерапевтических методов в Ростове-на-Дону, скорее, нет.

Окинем взглядом психотерапевтические и психоаналитические сообщества в Ростове-на-Дону. На данный

Я обдумываю конкуренцию между корректно ведущими себя сообществами и прихожу к выводу, что мы (профессионально ведущие себя специалисты) – не конкуренты, мы сотрудники.

продукт в Ростове-на-Дону, поэтому за качество можно не беспокоиться! Уж, если кто к нам и приходит для своего профессионального развития, то как правило, приходит, несмотря на конкуренцию.

Г.В. – В целом, сейчас я вижу отчетливую тенденцию ухода от регионального принципа. В регионах мы сейчас всё меньше и меньше общаемся. В нашу жизнь бурно ворвался онлайн, всё время проходят какие-то мероприятия. Мы с коллегами из других городов онлайн встречаемся чаще, чем с коллегами из Самары, своего собственного города. Вы видите такую тенденцию или у вас не так?

М.Н. – Мне, пожалуй, не с чем сравнить. Судя по ситуации – да. Наше РО было основано в 2020 году, в разгар эпидемии ковида, поэтому с самого начала в основном свой психоаналитический и образовательный тренинг члены нашего РО проходят дистанционно.

Подход, когда каждый специалист или сообщество «зарывается в свою нору», настраивая свою профессиональную политику враждебно против других психотерапевтических сообществ, не является конструктивным.

Г.В. – У вас есть какие-то регулярные встречи в РО или это нецелесообразно, когда шесть человек?

М.Н. – Пока нет. Один человек территориально в Москве, кто-то учится, участвует в различных обучающих проектах и не имеет статус специалиста. Позже, думаю, будет актуальна коллегиальная супервизорская или интервизорская поддержка. Пока ситуация такая: супервизионный сеттинг и тренинговый анализ у каждого свой; и на данный момент мы немного можем предложить друг другу. Мы пока встречаемся составом нашего РО по организационным вопросам.

Г.В. – Давайте про конференции поговорим. Прошло две конференции: в прошлом году очная и в этом году онлайн? Как таким небольшим РО решиться на проведение очной конференции? Это же серьёзная ответственность и организационная нагрузка большая.

М.Н. – Всё очень просто – надо быть таким «сумасшедшим», как я, и всё получится! Это альтруизм трудовой, альтруизм финансовый, некие инвестиции в будущее, готовность к сложностям и отсроченному результату. Тогда получается это всё организовывать. В 2023 году конференция планируется, скорее всего, тоже в дистанционном формате. Мы, как обычно, постараемся сделать так, чтобы это было хорошее интеллектуальное и эмоциональное пространство. Можно отметить, что члены нашего РО не в полном составе посещают конференции РО Ростов-на-Дону, как это ни странно. На нашей конференции в 2022 году было два докладчика из Ростова-на-Дону (я и Манукян Галина Ивановна) и ни одного слушателя из нашего РО.

Давно хочется обращать внимание на область психологического здоровья в психоанализе, о ней мало говорят, её почти не слышно.

участников, кроме спикеров, на конференции собрались. В этом году была дистанционная конференция, 25 человек участвовали онлайн.

Г.В. – Непросто получается?

М.Н. – К конференции 2022 года пришлось, как обычно попотеть, и я наладил связи с психоаналитическим сообществом в Ставрополе, оно называется Ассоциация Развития Психоаналитической Психотерапии (АРПП). Они приглашают специалистов из ЕФПП. Это психоаналитики из Голландии, из Великобритании, Ирландии и США. Я поучаствовал 2021 году в одном из мероприятий и мне очень понравились их доклады.

Я обдумываю конкуренцию между корректно ведущими себя сообществами и прихожу к выводу, что мы (профессионально ведущие себя специалисты) – не конкуренты, мы сотрудники. Нам очень полезно встречаться, делиться мнениями, дискутировать. Вроде, об одном и том же говорим, но как-то по-другому. Это очень хорошо дополняет объем психоаналитического взгляда, эта диффузия хорошо способствует обмену чувствами, знаниями и мыслями. В таком профессиональном общении есть чувство взаимного понимания. Получается хорошее сотрудничество и профессиональное взаимное проникновение.

Подход, когда каждый специалист или сообщество «зарывается в свою нору», настраивая свою профессиональную политику враждебно против других психотерапевтических сообществ, не является конструктивным. Такая позиция очень похожа на тоталитарную секту. С моей точки зрения, это – не профессиональная позиция коллег, относящих себя к психоаналитическими психотерапевтам. Члены психоаналитических сообществ, по идее, должны руководствоваться ценностями привнесения блага в человеческую жизнь и стремиться к оказанию помощи людям в преодолении затруднений психологического характера. Печально наблюдать коллег из «психоаналитических сообществ», озабоченных в первую очередь реализацией своих нарциссических интересов.

Мне хочется говорить на тему психического здоровья потому, что чаще мы говорим о патологиях: о нарциссизме, о пограничном функционировании, о чем-то проблемном. А обратного полюса, полюса здоровья как будто бы и нет.

В 2022 году мы провели конференцию в онлайн формате. Получился хороший интеллектуальный продукт. Коллегам было полезно. Было пять человек из Ставропольской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, девять человек из ЕАРПП, были два врача-психиатра, двое человек придерживались юнгианской парадигмы, два человека были представителями школы французского психоанализа. В основном все – психоаналитики.

Г.В. – Почему выбрали в этом году тему про профессиональное выгорание? Как вообще вы её выбрали?

М.Н. – Хорошо совпало. Мы с коллегами на Зимней школе ЕАРПП в начале февраля 2022 года обсудили и наметили эту тему, а потом и социальная ситуация известным образом обострилась. Мне, в принципе, давно хочется обращать внимание на область психологического здоровья в психоанализе, о ней мало говорят, её почти не слышно. О психологическом здоровье можно услышать в психоаналитически ориентированной психотерапии. Из представителей Американской школы психоанализа Нэнси Мак-Вильямс, её коллеги, Отто Кернберг довольно четко говорят об этих категориях. С моей точки зрения, желательно чтобы у специалиста в сфере психоанализа было представление о некоей описанной в общих чертах норме психического и психологического здоровья. Например, Отто Кернберг выделяет важные сферы человеческого психического функционирования: профессиональная самореализация, отношения и их качество с точки зрения эмоциональной теплоты, сексуальная жизнь, хобби. Это – конструкт, который является неким общим ориентиром в сторону психологического здоровья и показывает потенциал развития личности.

Нэнси МакВильямс более подробно описывает критерии психического здоровья в своём руководстве по психодинамической диагностике PDM-2

Для номера 9 Журнала ЕАРПП я написал статью об этом. Мне хочется говорить на тему психического здоровья потому, что чаще мы говорим о патологиях: о нарциссизме, о пограничном функционировании, о чем-то проблемном. А обратного полюса, полюса здоровья как будто бы и нет. Хочется спросить: а куда мы, собственно, идем? «Верной ли дорогой идём, товарищи?».

Я довольно хорошо изучил эту область и нашёл соответствующие литературные источники. Мне есть что сказать о психологическом здоровье в области психоанализа. Поэтому мы с коллегами посоветовались и решили конференцию на эту тему сделать. Естественно, тема психологического здоровья включает и психологическое здоровье тех, кто «лечит». Сама собой тема профессионального выгорания и обозначилась.

Психическое здоровье – это состояние психического благополучия, которое позволяет людям справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также получить субъективно переживаемое ощущение удовольствия.

Мы исправляем патологию,
а что значит понятие
«не патология»?

Г.В. – Насколько «ранен» должен быть целитель или насколько он должен быть исцелён?

М.Н. – Точно! И должен ли он вообще быть «ранен»? Мы и так планировали тему профессионального выгорания обсуждать на конференции в 2022 году, а после

24 февраля произошел качественный скачок, и тема психологического здоровья стала особенно актуальна. Эта конференция интересно прошла. Доклады конференции сначала касались психологического здоровья аналитика и клиента, а потом профилактики профессионального выгорания. Всего на конференции было два доклада, содержащих в названии словосочетание «психологическое здоровье», из 7 представленных. Остальные предпочитали упоминать, что психологическое здоровье существует, без углубления в предмет: что же это такое и где оно, и как оно выглядит, и с чем его искать.

Г.В. – И в каких единицах будем мерить силу эго?

М.Н. – Да, в каких единицах будем мерить дорогу к нашему светлому будущему и в каком направлении оно находится? Тут можно сформулировать понятие о психологическом и психическом здоровье.

Психическое здоровье – это состояние психического благополучия, которое позволяет людям справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также получить субъективно переживаемое ощущение удовольствия.

Я ранее анализировал материалы про профессиональное выгорание и постарался сформулировать особенности в работе именно психоаналитически ориентированного психотерапевта. Нам приходится работать с контрпереносными откликами, негативными, в основном, как эмоциональными, так и психосоматическими. Я систематизировал информацию и предложил выводы и идеи, признаки профессионального выгорания, а также профилактические шаги для его предупреждения.

В основном на конференции 2022 года коллеги мы спланировали сетку докладов так, чтобы была возможность дискутировать. Коллеги в основном предпочитали говорить про профессиональное выгорание, а не про психологическое здоровье. Страшновато, видимо. Да и: «Sapienti sat» (умному достаточно)». Когда я прочитал свой доклад и описал картину, что такое психологическое здоровье, группа интересно отреагировала: «С психическим здоровьем всё понятно, а вот с психологическим у нас везде трудно».

Г.В. – Если говорить про идею в головах специалистов, сама эта идея не приживается. Мы исправляем патологию. До какого момента мы её исправляем?

М.Н. – Вот и мне эта мысль приходит в голову! Мы исправляем патологию, а что значит понятие «не патология»? Можно образно фантазировать, где этот светлый путь, к которому все должны бы в нашей работе идти? Мне нравятся идеи Отто Кернберга, что неплохо бы нам в голове держать тот потенциал, которого может достичь человек,

который к нам пришёл. Для того, чтобы этот потенциал для себя более детально прорисовать, важно выделить некоторые категории и ими оперировать. Представляется вопросом второстепенным: как потом в процессе психологической работы клиента к этим областям подталкивать (и поддакивать ли), помогать преодолевать это сопротивление, учитывать, способен ли клиент в принципе дорасти или прийти в своем развитии до своего потенциала или лучше будет, если мы от него вовремя «отстанем» со своими фантазиями о том, как ему было бы лучше?

Этот образ будет помогать ориентироваться специалисту в том, что происходит с клиентом. Иначе непонятно, как помогать преодолевать что-то патологичное и что по идее могло бы возникнуть вместо саморазрушительного и болезненного, например. Клиент имеет право не интересоваться и не знать о возможном многообразии жизненных путей и ценностей, а для специалиста это важно знать и подразумевать.

Г.В. – Опять мы приходим к способности любить и работать.

М.Н. – Да, кстати если быть точным, то цитата Зигмунда Фрейда на немецком про любовь и работу звучит так: «Die beiden Eckpfeiler des Glücks: Liebe und Arbeit». Дословно: «Две основы счастья: любовь и работа». По большому счету, да – это способность любить и работать.

Две основы счастья: любовь и работа.

Г.В. – Как вы думаете, почему сложно говорить на эту тему?

М.Н. – Я сталкиваюсь с тем, что этот вопрос болезненный. Когда на конференции о профессиональном выгорании коллеги дискутировали, было очень много откликов о важности этого феномена и информации об этом. Говорили о том, что это должен знать каждый специалист, знать с азов. С моей точки зрения, особенность в том, что говорить о профессиональном выгорании для коллег сложно потому, что феномен профессионального выгорания как две капли воды похож на нарциссическое расстройство личности – с отрицанием, со всемогуществом, с идеализацией, с обесцениванием. Поэтому признать, что есть признаки профессионального выгорания, для специалиста сложно. Хотя неплохо бы заучить как таблицу умножения. Когда феномены профессионального выгорания начнут проявляться, может быть уже поздно и до коллеги не будет возможности донести важную для него и профессионального сообщества информацию.

Г.В. – Михаил, мне про норму, здоровье и патологию в голову приходят следующие мысли. Норма и обыденность не очень интересна. Говорить о ней – не «прикольно» и не «круто». «Утром на работу, вечером с работы, в школу, из школы, дома – жена, дети сопливые» – как в известном фильме «Джентельмены удачи» говорил персонаж Евгения Леонова. Патология вызывает некий нарциссический кураж, в том числе и у специалистов: «Я такой крутой, я вижу патологию, я тебе сейчас на неё

Феномен профессионального выгорания как две капли воды похож на нарциссическое расстройство личности – с отрицанием, со всемогуществом, с идеализацией, с обесцениванием.

что не возникает эстетического удовольствия от созерцания красоты или от коммуникации с родственниками – это тяжелое осознание, с которым потом требуется что-то делать. «Лучше» не знать об этом. В нашей культуре это особенно болезненно потому, что у нас «все так живут». Многим людям в нашем социальном пространстве сложно получать удовольствие от простых (рутинных, не грандиозных) вещей. Простые вещи – это дом красиво покрашенный, садик-огородик, путешествие, красивая дорожка, поездка на велосипеде вдоль реки, красивые герани разных цветов и т. д. Это всё не является чем-то грандиозным, нарциссически громадным, и звучит как обычное, скучное. Но именно это «обычное» и есть удовольствие, которое является производным от покоя и нежности. Это удовольствие не требует добывать гордость, и, следовательно, соответствовать какой-либо грандиозности. Эта способность получать эмоциональное удовольствие от чего-то «обычного» в русском среднестатистическом менталитете сильно хромает.

Г.В. – Наверняка вы сталкивались в своей практике с тем, что, когда пациент приходит к этому спокойствию, то очень пугается. «Если боль твоя стихает, значит, будет новая беда».

М.Н. – Именно! Если боль твоя стихает, то радости, удовольствия и любви вместо стихающей боли не планируется и не предусмотрено!

Я вглядывался в символическое и языковое поле покоя и прихожу к выводу, что в русскоязычном менталитете, покой и удовольствие от покоя – это фобически избегаемая категория. Возможно потому, что слово «покой», «упокоиться» и «покойник» – однокоренные слова. То есть быть в покое, следовательно, ценить покой и получать

Многим людям в нашем социальном пространстве сложно получать удовольствие от простых (рутинных, не грандиозных) вещей.
Эта способность получать эмоциональное удовольствие от чего-то «обычного» в русском среднестатистическом менталитете сильно хромает.

удовольствие от покоя – это быть как бы мертвым. У Пушкина А.С. в «Евгении Онегине» есть такие ярко отражающие эту психодинамику строфы:

*...Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена...*

Это довольно точно отражает среднестатистическую патологию.

Г.В. – Настольная книга, всегда под рукой! Я подумала, что не только Александр Сергеевич Пушкин у нас про это писал. Практически вся великая русская литература об этом. Может, людям стыдно перед своими предками: «Никогда не жили хорошо, а я начну хорошо жить, как же это?»

М.Н. – Согласен. В менталитете русском нет психических репрезентаций того, как получать удовольствие от созерцания природы, архитектуры, проводить вечера за дружескими беседами, а не за горячительными напитками, любить цветочки, делать красивым свой дом. Зачем? Это всё не вызывает эмоционального отклика и переживается, как бессмысленное, неценное, скучное.

Г.В. – Более того, это страшно потому, что, если ты живешь хорошо, тебе будут завидовать и всё это отберут.

М.Н. – Да, этот страх, что придут и тебя раскулачат, добавляет тревоги.

Г.В. – Мы сейчас говорим о нарциссических и глубинных мазохистических механизмах, они и есть реакция на коллективную длительную травму. С одной стороны, они патологические, другой стороны они адаптивные. Они позволяют выживать в ситуации хронического стресса.

М.Н. – Эту мысль я бы дополнил. Эти ценности позволяют выжить и пережить катастрофу, но для прогрессивного развития к ценностям умения выносить страдания требуется добавить витальные ценности. Необходимо, чтобы витальные ценности были вшиты во что-то: или в религию, или в язык, или в культуру, или в национальные традиции и обычаи.

Покой и удовольствие от покоя – это фобически избегаемая категория. Возможно потому, что слово «покой», «успокоиться» и «покойник» – однокоренные слова.

Г.В. – Давайте поговорим о вашем пути в психотерапию и психоанализ.

М.Н. – Мой фундамент – это моё первое образование, техническое, с опорой на логические процессы. Когда я стал изучать психологию, я ещё дополнительно углубился в изучение формальной логики, отточил свой навык мышления и могу неплохо проверять разного рода умозаключения на наличие в них логических ошибок, исходя из первого и второго закона логики – закона тождества и закона достаточности основания. В профессию психолога я переключался из технической области и мне, естественно, близки те концепции и те идеи, которые предлагают осмысливать процессы через логические взаимосвязи. Это область психоаналитической психотерапии – как клиническая, так и развивающая. Сюда хорошо «ложатся» концепции Отто Кернбергера, Нэнси МакВильямс, Франка Йоманса, немецких специалистов, разрабатывающих психодинамическую диагностику. В этих концепциях размышления ведутся в категориях абстрактно-логического мышления – «если будет это, то будет то-то».

Кризис, который в своё время подтолкнул меня к развороту в психоаналитическую психотерапию, отчасти был обусловлен вопросами личных тревог, отчасти невозможностью адаптации моих ценностей в производственной среде. Так уж случилось, что я закончил техникум, а потом институт на одни пятёрки. Получал стипендию Министерства Путей Сообщения. До сих пор я остаюсь железнодорожной «ходячей энциклопедией». На производстве я придерживался тех ценностей, которые с детства сформировались и на которые ориентировался в процессе обучения, то есть я старался качественно работать. Потом я понял, что, если буду придерживаться этих ценностей на железной дороге, то мои ближайшие и отдаленные перспективы профессионального развития будут принимать очертания опасности для моей жизни и здоровья. Я стал искать ту профессию, где моя квалификация и профессиональные знания вкладывались бы в мою профессиональную эффективность, в том числе финансовый заработок, карьерный рост, статус в последнюю очередь. Так я и закрепился в психоаналитической психотерапии, в психоанализе.

Г.В. – Психология очень большая, почему именно психоанализ?

М.Н. – Я даже затрудняюсь классифицировать те психоаналитические концепции, которых я придерживаюсь. Некоторые коллеги считают, что психоаналитическая психотерапия и психоанализ очень разные вещи.

Г.В. – Можно много копий поломать. Мне бы хотелось, чтобы вы сначала ответили на вопрос: почему именно психоаналитическое направление? Есть же НЛП, есть гештальт-терапия, есть много направлений психотерапии.

М.Н. – Психоаналитическое направление, пожалуй, единственное, которое, с одной стороны, стоит одной ногой в реальности, а с другой стороны описывает те процессы и взаимосвязи, которые связаны с этой реальностью, с психопатологией и психологическим здоровьем. Когда я выбирал свою профессиональную идентичность, то изучил все направления, которые предлагает психотерапия – и НЛП, и гештальт, и в расстановки немного заглянул, и в экзистенциальную психологию заглянул, и в рациональную, и в когнитивную, поведенческую, юнгианский анализ, в гипноз. Зачастую сама парадигма и те, кто ей в России обучают, (NLP, например), используют психологические знания для того, чтобы манипулировать и злоупотреблять человеческими слабостями. В психоанализе другие ценности.

Г.В. – То есть, это выбор на уровне ценностей?

М.Н. – Да, в первую очередь, это выбор на уровне ценностей. Когда я вижу, что творят нлпшники, гештальтисты, расстановщики, у меня волосы шевелиться начинают. Понятно, что это делают не все психологи, но сам метод дает потенциальную возможность злоупотреблять человеческими слабостями. Например, я проходил в Германии учебные курсы, и на них я общался со специалистами по НЛП. То, что я видел в Германии – это техники краткосрочной и кризисной психологической помощи в основном. Она не «заточена» под использование и манипулирование, которым у нас некоторые специалисты злоупотребляют. Я полагаю, что в своих основах психоанализ – это, в первую очередь, ценности – служение человеческому благополучию. Это область знаний, направленная на то, чтобы человек был счастлив, мог любить, работать, от жизни получать удовольствие – вот в этих рамках.

Когда я сравнивал различные направления психотерапии, я понимал, что как-то не вижу я себя в НЛП, не вижу себя в гештальте с его известной фразой: «Если случилось неприятное – измени к этому отношение. Найди в этом что-то хорошее». В жизни бывают вещи, в которых нет ничего хорошего, не надо в них хорошее искать, надо это назвать отвратительным, мерзким, грустным, ужасным. И потом с этим эмоционально справиться.

Помимо ценностей в психоанализе меня привлекает склонность к логическому анализу и детерминизм, довольно жёсткие логические взаимосвязи.

Г.В. – Что бы вы могли порекомендовать молодым специалистам с высоты своего опыта и практики? Кому нужно выбирать эту профессию, кому не нужно? Какие в ней плюсы, какие минусы?

В менталитете русском нет психических репрезентаций того, как получать удовольствие от созерцания природы, архитектуры, проводить вечера за дружескими беседами, а не за горячительными напитками, любить цветочки, делать красивым свой дом.

М.Н. – Повторю слова Марии Дмитриевны Машовец, основного моего учителя в психоанализе, о том, что психоаналитически ориентированный терапевт в определённой степени должен обладать депрессивностью, мазохистичностью и нарциссичностью. Это – умение выдерживать за счет своего мазохизма длительную агрессию в свой адрес, это – умение переживать и сочувствовать за счет депрессивности, это – нарциссичность потому, что надо набраться здоровой уверенности и предлагать людям «как правильно жить». В дополнение к мнению моего учителя, я бы сказал ещё об одном качестве – умении думать. Человек с невысоким IQ, но умеющий думать, оперировать и пользоваться законами формальной логики, законами тождества и достаточности основания, формируя суждения в неторопливом обдумывании и осмысливания тех или иных явлений может приходиться к довольно прозрачным и точным выводам. То есть выводам, сделанным довольно умным человеком. Мне приходилось видеть, как люди с довольно высоким IQ рассуждают. Слушая их через фильтр формальной логики, думаешь: «Ну как такую глупость можно говорить?». Здесь видно, что человек, одаренный интеллектом, но не умеющий думать и пользоваться логическим аппаратом, воспроизводит и говорит глупость. Какая-то эрудиция в области формальной логики для психоаналитика всё-таки необходима.

Психоаналитик – это человек, который должен уметь любить жизнь! Если психоаналитик не любит жизнь как факт, как явление, то, наверное, ему не надо быть психоаналитиком.

Г.В. – Интересно, вы почти ничего не говорите про эмоции, кроме умения терпеть и выносить агрессивные отношения.

М.Н. – Сейчас скажу, спасибо. Я на первое место поставил бы умение думать. Чувствовать для психоаналитического психотерапевта это второе, пожалуй, по важности умение. С моей точки зрения, аналитик не должен быть эмоционально «отмороженным», он должен иметь доступ к чувствам радости, доброжелательности, удовольствия эмоционального взаимодействия с людьми, удовольствия от созерцания красоты, к так называемой деэротизированной либидиозности.

Г.В. – Любопытство и интерес к людям?

М.Н. – Точно! Психоаналитик – это человек, который должен уметь любить жизнь! Если психоаналитик не любит жизнь как факт, как явление, то, наверное, ему не надо быть психоаналитиком.

Г.В. – Любовь к жизни, любовь к людям, да, это очень важно. А какие опасности либо сложности есть в нашей профессии?

М.Н. – Опасностей и сложностей довольно много. Важно в процессе своего образования и профессионального роста сформировать для себя устойчивое психоаналитическое

Я на первое место поставил бы умение думать. Чувствовать для психоаналитического психотерапевта это второе, пожалуй, по важности умение.

мировоззрение. Важно научиться критически осмысливать информацию. Это процесс обдумывания, чувствования, сравнения, сомнения, умения одновременно смотреть на психические феномены, исходя из несовместимых друг с другом психоаналитических концепций. Иначе есть риск «прилипнуть» к той или иной психологической парадигме и воспринимать ту или иную парадигму как истину в последней инстанции. И на это прокрустово ложе «укладывать» всех клиентов. К примеру, проекты по внедрению на российском пространстве техник, которые предлагает та или иная зарубежная психологическая школа, требуют тщательного обдумывания и соотнесения с нашей социальной реальностью. Те феномены, которые описывает Отто Кернберг, подходят далеко не ко всем пациентам. Обучаясь у Отто Кернберга и Фрэнка Йоманса, я осторожно пробовал применять техники ТФП (Перенос-сфокусированной психотерапии) в своей практике, но чувствовал, что это не приводит к прогнозируемому результату и, если я продолжу в том же ключе, сеттинг развалится и психотерапия оборвется. Очень важно при помощи своего логического аппарата осмысливать, что происходит в отношениях с клиентом, как это ложится на ту культурную почву, на те национальные традиции, которые существуют вокруг нас и в нас самих. Пожалуй, эту опасность я бы поставил на первое место. С моей точки зрения и по мнению некоторых коллег в России, копирование опыта западных специалистов, развитие его в России, невзирая на то, что он может не подходить – иногда не имеет психотерапевтического эффекта, а иногда вредит.

Г.В. – То есть мы говорим про бездумное копирование западных моделей, которые неприменимы для «загадочной русской души». А Хайнц Кохут – наше всё! Его модель предполагает присоединение, отзеркаливание и выращивание истинного Я. Это и есть те витальные либидонозные проблемы, о которых мы говорили раньше – проблемы с идентичностью.

М.Н. – Да, для психоаналитического психотерапевта важно критическое мышление, адаптация западных техник под нашу реальность, этические нормы и поддержание своей профессиональной идентичности. И все это лежит, скорее, на совести самого специалиста. Конечно, если она у него есть.

Г.В. – Спасибо вам большое за беседу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Руководство по психодинамической диагностике. Второе издание. PDM-2. Под ред.: Витторио Линдхарди, Нэнси Мак-Вильямс. – Москва: Класс, 2019 г. Т1. – 792 с.